

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/41/3

А.П. Никитин

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА¹

Аналитическая философия на современном этапе своего развития вышла за рамки обсуждения проблем онтологии и эпистемологии. Увеличивается интерес к прикладным исследованиям, в том числе в области экономики. В статье рассматривается влияние аналитической философии на институциональное направление экономической теории. Выделяются два пункта: использование институционализмом аналитической философии сознания и теории речевых актов.

Ключевые слова: аналитическая философия, институциональная экономика, философия сознания, теория речевых актов, принципы институционализма.

Тенденция развития аналитической философии такова, что она постепенно перестает быть обозначением философского направления, концентрирующего свое внимание на проблемах онтологии и эпистемологии, трансформируясь в определенный философский стиль. Характерной чертой этого стиля является логико-языковой подход к решению широкого круга вопросов, при этом увеличивается интерес к прикладным исследованиям: в области философии права, образования, политики. В этом же ряду находится аналитически ориентированная философия экономики, оказавшая существенное влияние на развитие институциональной теории.

Формально влияние аналитической философии на институциональную экономику проявляется в том, что ее представители в своих работах непосредственно решают проблемы институционализма. Показательным, но не единственным примером этого служит статья Дж. Серла «Что такое институт?» [1]. С другой стороны, сами институциональные экономисты обращаются к результатам исследований, проведенных аналитическими философами, иллюстрацией чего является монография Д. Норта «Понимание процесса экономических изменений» [2].

Не ставя своей целью сделать обзор всех публикаций, в которых отражается влияние аналитической философии на институционализм, предлагаем рассмотреть содержание этого влияния без претензии на полноту анализа. Наиболее актуальными и обсуждаемыми выглядят два момента – воздействие на институциональную теорию аналитической философии сознания и теории речевых актов.

1. Аналитическая философия сознания и принцип институциональной неопределенности

Аналитическая философия сознания – крупное интеллектуальное движение, распространившееся во второй половине XX в. в США и Великобритании. В рамках этого направления исследователям было необходимо аргумен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-7733.2016.6.

тировано ответить на вопросы, имеющие междисциплинарное значение: что такое «Я» и что делает его тождественным самому себе, почему наше «Я» видит мир именно таким, как субъективное видение мира соотносится с самой реальностью, каким образом мы распознаем в других людях сознание и их «Я» и т.д. Решение этих вопросов неожиданно оказалось значимым для экономической науки, что связано с ее методологическим развитием. Классическая экономическая мысль строилась вокруг стройной, но довольно ограниченной теории рационального выбора, согласно которой актор рынка склонен стремиться к максимизации полезности при полном доступе к информации о конкурентном пространстве. Новая институциональная экономическая теория, разрабатывавшаяся в XX–XXI вв., оспаривает этот тезис, утверждая, что социальное знание должно обладать более точной моделью человеческого поведения, включающей в себя описание существенных факторов мотивации, процесса принятия решения и оценки различных ситуаций. То есть экономическая теория должна рассматривать, помимо всего прочего, вопросы, связанные с деятельностью субъективного «Я». Олицетворением этого процесса стало присуждение Нобелевской премии по экономике в 2002 г. психологу Д. Канеману за исследования формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности.

Анализ институциональной реальности, осуществляемый самими экономистами, приводит их к выводу, что «институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием» [3. С. 137]. По мнению Д. Норта, институты невозможно рассматривать в отрыве от функционирования сознания в жизни в целом. Важными при этом являются как данные естественных наук, так и результаты философского анализа. Соответственно, в исследованиях, посвященных влиянию сознания на институциональную среду, он опирается, с одной стороны, на работы эволюционных биологов Р. Докинза (выступая против его концепции «мема»), Дж. Эдельмана и др., а с другой стороны, на работы Д. Деннета и Дж. Серла.

Д. Норт отмечает особенности работы сознания, которые необходимо учитывать в исследовании процесса экономических изменений. Институциональная реальность недоступна какому-либо наблюдателю целиком, но люди вырабатывают весьма изощренные убеждения относительно природы этой реальности. Эти убеждения одновременно являются позитивной моделью того, как система работает, и нормативной моделью того, как она должна работать. Система таких убеждений может быть широко распространена в обществе, отражая консенсус в обществе, но возможна также ситуация, в которой члены общества придерживаются резко противоположных взглядов, что отражает фундаментальное разделение в отношении идей, касающихся общественного устройства. Люди при этом постоянно пытаются рассматривать окружающий их мир как интеллигибельный, т.е. уменьшать число неопределенностей, существующих в нем. Однако сами эти попытки рассматривать мир как познаваемый при помощи разума приводят к изменениям в нем и, как следствие, к новым вызовам. Иначе говоря, противостоя неопределенности, человек увеличивает ее.

Процесс экономических изменений связывается с функционированием человеческого сознания несколькими основаниями.

Во-первых, существует бесконечное многообразие и вариативность человеческой деятельности, формы которой «являются сложным продуктом того процесса, в котором сознание взаимодействует с человеческим опытом во всем его многообразии, создавая индивидов, наделенных определенными свойствами и убеждениями, и приводя к формированию широкого спектра моделей социального поведения, которые определяют и продолжают определять экономические изменения» [2. С. 64–65].

Во-вторых, сознание человека действует таким образом, что формирует тенденцию не упрощения моделей реальности, а ее более детального воспроизведения. Развитие языка и системы символов создает значительно усложняющиеся формы социальной организации. Д. Норт ссылается на нейрофизиолога Дж. Эдельмана, который отмечает следующую особенность: «Когда в обществе возникают лингвистические и семантические способности, а предложения, включающие в себя метафоры, связываются с мышлением, способности создавать новые модели мира резко возрастают» [4. Р. 170]. Опыт людей в различных моделях создает разнообразные сочетания убеждений и институтов. Сложное взаимодействие между этими сочетаниями дает начальную точку в понимании процесса социальных трансформаций и экономических изменений.

В-третьих, институциональные черты не обладают атрибутами, имеющими естественное происхождение. С одной стороны, у человека нет генетической склонности создавать институциональные мемы, с другой – предметы мира не могут быть объектами институциональной реальности (к примеру, объектами собственности) из-за своей физической структуры. Интенциональность человека определяет институты. Идеологическое давление способствует тому, что институциональное разнообразие только разрастается. Экспансия сознания является не только источником творческой вариативности, но и фактором конфликтности, социальной напряженности и нетерпимости.

У Д. Деннета в одном из его эссе, написанном в соавторстве с Д. Роем, мы обнаруживаем схожие мысли, где современное состояние институциональной среды он сравнивает с Кембрийским взрывом [5]. Кембрийский взрыв – период резкого увеличения биоразнообразия полмиллиарда лет назад. По одной из гипотез, мир внезапно наполнился светом, заставляя животный мир стремительно развиваться или – для большинства организмов – вымирать. Современное институциональное развитие проходит аналогичный период. По мысли Д. Деннета, каждый человеческий институт, будь то брак, армия, правительство, суды, корпорации, банки или религии, каждая система цивилизации сегодня находится под угрозой. Виной тому деятельность самого человека в деле развития цифровых технологий, в результате чего развивается транспарентность как личной жизни, так и социальных институтов. Некоторые идеологии трактуют такие изменения как благо, но транспарентность создает условия для кризиса всей современной институциональной среды.

Проблема создания искусственного интеллекта, активно обсуждаемая сегодня в аналитической философии сознания, в этом отношении имеет не только этические, но и институциональные аспекты. Институциональная реальность, представленная абстрактно, создает социальное пространство, в котором акторы непосредственным или опосредованным образом взаимодей-

ствуют друг с другом. Это взаимодействие предполагает, что индивиды, совершающие социальные акты в виде стимулов и побуждений, рассчитывают на адекватную реакцию; социальная интеракция совершается в контексте предвидения и доверия. Передавая процесс решения искусственному интеллекту, человечество должно учесть, что изменение самой институциональной среды может поставить под вопрос наличие места в ней для индивида. Институциональное развитие, возникающее в результате роста знаний и технологий, определяет процесс усложнения социальных структур, усиливая неопределенность в отношении социальной роли самого человека.

Для иллюстрации представим себе гипотетическую ситуацию, в которой необходимые покупки для индивида осуществляет искусственный интеллект, исходя из набора потребностей и финансовых возможностей. Очевидным результатом окажется кризис всей системы маркетинга, построенной во многом на психологическом воздействии на покупателя, формировании его вкусов и пристрастий. Не стоит при этом думать, что от разрушения данной системы рядовые покупатели только выиграют. Адекватной реакцией со стороны компаний-производителей и маркетов может быть внедрение своей системы искусственного интеллекта, анализирующей действия своих антагонистов и пытающейся воздействовать на них через предложение наиболее оптимальных вариантов, готовых комбинаций, долгосрочной рационализации и т.д. Традиционный способ процесса покупки-продажи предполагает социальную интеракцию двух сторон (покупателя и продавца), опосредованную объектом продажи – товаром. В предполагаемой же ситуации места двух сторон занимает техника, человек оказывается отстраненным наблюдателем, пользующимся результатами: один из них в конечном счете потребляет, другой считает прибыль. Набор формальных и неформальных правил, регулирующих их взаимодействие на рынке в рамках традиционной модели, больше не будет действенным; сам институт распределения товаров и услуг будет функционировать, но его нормы окажутся для человека неопределенными, более того, следует ожидать их экспонентного усложнения.

2. Теория речевых актов и принцип институциональной иерархичности

Влияние языка на формирование институциональной реальности описывается в теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла. В соответствии с этой теорией речевые акты не только описывают положение вещей, но и создают его. Дж. Остин утверждал, что язык выполняет как пассивную роль описания, так и активную роль конструирования, действия. Эту функцию язык осуществляет с помощью перформативных высказываний, таких как обещание, предупреждение, приказание и т.д. Дж. Серл, развивая концепцию Дж. Остина, отмечает, что право собственности, денежные единицы, правила рыночного обмена, идеалы потребления и многое другое являются результатом действия перформативных высказываний. Так, если рассматривать деньги, то об их возникновении можно говорить как о речевом действии субъекта, наделенного соответствующими полномочиями, который заявляет: «Эти предметы (X) должны считаться деньгами (Y) в нашем обществе (C)». Под субъектом речевого действия не обязательно подразумевается отдельный индивид, перформативом может являться и коллективно

принятое заявление, как положение Конституции Российской Федерации, утверждающее, что «денежной единицей в Российской Федерации является рубль» (гл. 3, ст. 75, п. 1).

Проблеме природы институциональной реальности и ее специфике по отношению к социальным взаимодействиям Дж. Серл посвятил две крупные работы [6–7]. Стандартное определение института гласит, что это совокупность, состоящая из правила или нескольких правил и внешнего механизма принуждения индивидов к исполнению этого правила. Правила предполагают условия их приложения, наличие адресата, предписываемое действие, санкции за нарушение предписания и наличие субъекта, применяющего эти санкции. Известные классификации правил основываются на разновидностях их элементов. Например, санкции за нарушение предписания могут иметь формальный и неформальный характер. Дж. Серл предлагает иное основание классификации правил, разделяя их на регулятивные и конститутивные. Их различие он приводит на примере правил дорожного движения и правил игры в шахматы. Индивид может передвигаться по дороге, не зная правил дорожного движения, эти правила регулируют его движение, но само оно возможно без них. Напротив, индивид не может играть в шахматы, не зная правил этой игры, данные правила делают возможной саму игру, конституируют ее, при этом не регулируя¹.

На процесс принятия экономических решений в первую очередь влияют регулятивные правила как формального, так и неформального характера: «Можно осуществлять действия X»; «Запрещено осуществлять действия Y»; «Если вы предпринимаете действие X1, предпринимайте действие X2»; «Если другие предпринимают действие Y, предпринимайте действие Z» и т.д. Но возможность самих экономических действий обуславливается принятием конститутивных правил. Конститутивные правила имеют вид «X считается Y в контексте C» (как описано выше в примере с деньгами), и их фундаментом является коллективное приписывание функций языковыми средствами. В целом институциональная реальность – это совокупность статусных функций, наложенных в соответствии с конститутивными правилами и процедурами.

Формирование институциональной реальности можно описать как процесс, в котором интенциональность приобретает коллективную форму приписывания функций, не свойственных предметам физически. В этом процессе сознания направлены на объекты в тождественном друг другу осмыслении. Представим себе ситуацию наподобие той, что описана Ф.М. Достоевским, в которой группа людей смотрит на сожжение бумажных банкнот. Фактически индивиды наблюдают физико-химический процесс горения, сопровождаемый

¹ Можно отметить, что в шахматах регулятивные правила тоже существуют в виде рекомендаций ведения игры. К примеру, регулятивным правилом является предписание захвата центра доски в дебюте и первоначального развития позиций легких фигур, при равной позиции не стоит менять тяжелые фигуры на легкие и т.д. Играющий шахматист может придерживаться и другой тактики, при этом нельзя будет сказать, что он играет не в шахматы. Но если он будет ходить конем по диагонали, стоит утверждать, что он играет в другую игру. В этом и состоит отличие регулятивных правил от конститутивных. Нарушение первых влечет за собой последствие в рамках определенного взаимодействия (авария на дороге, поражение в игре), нарушение вторых – неопределенность взаимодействия (двое людей, сидя за шахматной доской и передвигая фигуры, могут быть оба уверены в своем выигрыше в конце игры).

экзотермическими реакциями. Но для них важно не это, важным является осознание этого процесса как уничтожения денег; в этом и проявляется коллективная интенциональность.

Необходимым базисом, позволяющим создавать коллективную интенциональность, является язык. «Интуитивно нам ясно даже без всякой теории, что язык фундаментален в весьма конкретном отношении: язык может существовать без денег, собственности, правительства или брачных отношений, но нельзя иметь деньги, собственность, правительство или брачные отношения при отсутствии языка» [1. С. 16]. Именно благодаря языку люди, глядящие на бумажные банкноты, видят деньги, а не просто кусочки бумаги с картинками, цифрами и словами. Во-первых, с помощью языковых средств им представлено само существование денег. Во-вторых, функции денег всецело зависят от обязанностей и обязательств, которые обеспечивают конвенцию в их использовании, однако эти деонтические полномочия могут быть признаны только при условии их представления в языке. В-третьих, человек может иметь много бумажных банкнот, но мало денег, и наоборот – мало бумажных банкнот, но много денег. Существование денег – это существование знака, осмысленного определенным образом; нет языка – нет денег. В-четвертых, с помощью языка деньги не только формируются, но и распознаются. Бумажная банкнота имеет покупательную способность только в том случае, если в ней распознают деньги, что возможно лишь с помощью языка.

Деонтология институциональных фактов тесно взаимосвязана – для того, чтобы сообщество признавало денежные единицы, ценность которых обеспечена властным указанием, необходимо, чтобы люди признавали саму власть, принятие власти должно сопровождаться принятием института, в рамках которого власть формируется (признание процедуры выборов или передачи власти по наследству). Субъект А, утверждающий, что Х должен считаться Y в сообществе С, сам является X', которому приписывается функция Y' в этом же сообществе. Вернемся к примеру с положением Конституции Российской Федерации, утверждающей рубль в качестве денежной единицы в России. Для того чтобы это утверждение было успешным («...констативное употребление является истинным или ложным, а перформативное – успешным или неуспешным» [8. С. 55]), успешными должны быть действия по принятию самой Конституции. Эти действия, в свою очередь, также регламентированы, как регламентировано и принятие этого регламента.

Успешность перформативов, в соответствии со взглядами основателя теории речевых актов Дж. Остина, полна условностей и сопутствующих обстоятельств: «В целом всегда необходимо, чтобы обстоятельства, при которых употребляются слова, были бы соответствующими, и обычно является необходимым также, чтобы говорящий и другие участники речевого акта тоже совершали определенные другие действия, будь то «физические» или «ментальные» действия или даже действия произнесения каких-то других слов. Таким образом, чтобы назвать корабль, существенно, чтобы я был человеком, который уполномочен сделать это» [8. С. 20–21]. Понятно, что это полномочие может возникнуть, к примеру, в случае, когда моряки спрашивают капитана: «Как назовешь корабль?» или же владелец судна получает разрешение на эксплуатацию корабля с определенным названием. Принцип иерархичности институциональной реальности как раз и указывает на нали-

чие институтов, являющихся основанием для других институтов, которые, в свою очередь, порождают новые. Признавая бесконечную прогрессию, теория речевых актов утверждает отсутствие в этой иерархии бесконечной регрессии. Институты будут формировать другие институты столько, сколько существует человечество, но каждый из этих институтов невозможен без наличия языковых средств, являющихся фундаментом институциональной реальности.

Литература

1. Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5–27.
2. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУВШЭ, 2010. 256 с.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
4. Edelman G.M. Bright Air, Brilliant Fire: On the Matter of the Mind. New York: Basic Books, 1992. 304 p.
5. Dennett D.C., Roy D. Our Transparent Future // Scientific American. 2015. № 3. P. 64–69.
6. Searle J.R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. 242 p.
7. Searle J.R. Making the Social World: the Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. 208 p.
8. Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

Nikitin Anton P. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: nikitinanton5891@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/41/3

ANALYTICAL PHILOSOPHY AND INSTITUTIONAL ECONOMICS

Key words: analytical philosophy, institutional economics, philosophy of consciousness, theory of speech acts, principles of institutionalism.

The article examines the influence of analytical philosophy on the institutional direction of economic theory. Two points are the most relevant and discussed: it is the impact of the analytic philosophy of consciousness and the theory of speech acts on the institutional theory. The institutional environment is associated with the functioning of human consciousness by several reasons:

- There is an infinite variety and variability of human activity, the forms of which create a wide range of models of social behavior and determine economic changes.
- Human consciousness does not simplify the models of reality but reproduces them in more detail. The development of the language and the system of symbols leads to progression in the structuring of the environment that is created more complicated forms of social organization.
- Institutional traits do not have attributes that are of natural origin. A man does not have a genetic inclination to create institutional memes. Objects of the world cannot be objects of institutional reality because of their physical structure. Intentionality of a man determines the institutions.
- Institutional development arising from the growth of knowledge and technology determines the process of complicating social structures, which increases uncertainty about the social role of the person.

The influence of language on the formation of institutional reality is described in the theory of speech acts. The emergence of institutional facts is a process in which intentionality acquires a collective form of ascription of functions that are not physically peculiar to objects. Language is the necessary basis for the creation of collective intentionality. The very existence of institutions, their functions and deontology is represented with the help of language facilities. The principle of hierarchy of institutional reality points to the existence of institutional conditions for the effectiveness of institutions of a different order. The theory of speech acts claims the absence of an infinite regression in this hierarchy. Institutions will form other institutions throughout the life of humankind but each of these institutions is impossible without the availability of linguistic facilities that underlie the institutional reality.

References

1. Searle, J. (2007) Chto takoe institut? [What is an institute?]. *Voprosy ekonomiki*. 8. pp. 5–27.
2. North, D. (2010) *Ponimanie protsesssa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the process of economic change]. Translated from English by R. Martynova, N. Edelman. Moscow: HSE.

-
3. North, D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Translated from English by A.N. Nesterenko. Moscow: Nachala.
 4. Edelman, G.M. (1992) *Bright Air, Brilliant Fire: On the Matter of the Mind*. New York: Basic Books.
 5. Dennett, D.C. & Roy, D. (2015) Our Transparent Future. *Scientific American*. 3. pp. 64–69.
 6. Searle, J.R. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
 7. Searle, J.R. (2010) *Making the Social World: the Structure of Human Civilization*. New York: Oxford University Press.
 8. Austin, J. (1999) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi.